

10. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1319 а/ Материалы обследования лесного управления.– 9 сентября 1924 г.– 1 ноября 1924 г.– 264 л.
11. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1319 / Материалы обследования землеустройства НКЗ – 29 октября 1924 г. – 30 декабря 1924 г. – 78 л.
12. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1319 а/ Материалы обследования лесного управления – 9 сентября 1924 г. – 1 ноября 1924 г. – 264 л.
13. Земельный кодекс РСФСР. – М.: Юридическое издательство наркомюста, 1923 г. - 30 с.
14. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1471 / Материалы о деятельности управления землеустройства КрымНКЗема. Протоколы, планы, акты. - 355 л.
15. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1319 а/ Материалы обследования лесного управления.– 9 сентября 1924 г. – 1 ноября 1924 г. – 264 л.
16. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1471 / Материалы о деятельности управления землеустройства КрымНКЗема. Протоколы, планы, акты. – 355 л.
17. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1608 / Материалы планового обследования землеустройства в Крыму. – 25 января 1926 г. – 30 ноября 1927 г. – 1197 л.
18. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 3112 / Материалы по обследованию переселения и расселения в Крыму с целью изучения организации этого дела и проверки результатов. – 16 февраля 1928 г. – 11 ноября 1929 г. – 980 л.
19. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1471 / Материалы о деятельности управления землеустройством КрымНКЗема. Протоколы, планы, акты. – 355 л.
20. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1470 / Материалы о выработке наиболее целесообразных типов землеустройства и форм землеиспользования.– 1 мая 1925 г.– 25 июня 1925 г. – 63 л.
21. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1319 / Материалы обследования землеустройства НКЗ – 29 октября 1924 г. – 30 декабря 1924 г. – 78 л.
22. Там же – л. 15 – 16.

Поступило в редакцию 20.02.2002 г.

*Ганкевич В.Ю. Шевелев С.С.
(Симферополь, Украина)*

БОРЬБА ИСМАИЛА ГАСПРИНСКОГО ЗА РЕФОРМИРОВАНИЕ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ В БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ

После поражения от русских войск под Самаркандом в 1868 году эмир Музаффар эд-Дин (1860-1885) признал протекторат России и согласился на превращение Бухары в вассальное государство. По договорам 1868 и 1873 годов Россия оставляла на троне представителей династии Мангытов, забрав себе реальную власть. Район среднего течения р. Зеравшан с Самаркандом вошел в состав Туркестанского генерал-губернаторства, что поставило под русский контроль ирригационную систему Бухары. В этих условиях Бухара «сохранила практически в неприкосновенном состоянии средневековую социальную и политическую структуру, просуществовавшую до 20-х годов XX века» [1, с. 51; 2, с.5].

Эмир Бухары был не только светским, но и духовным правителем, все административные акты строго соответствовали шариату. Главными толкователями шариата были высшие мусульманские духовные авторитеты – шейх уль-ислам («глава ислама») и кази-колон («верховный судья»), занимавшие в официальной иерархии

второе и третье места после эмира [3, с. 132].

Известно, что у истоков возникновения новометодного движения в Средней Азии, в том числе и в Бухарском ханстве, стоял лидер джадидизма Исмаил Гаспринский. В этот период он с надеждой писал в своей газете «Переводчик»: «...Бухарский Хан Музаффар Еддин замышляет реформы и преобразования в своих владениях. В этих начинаниях вероятно примет деятельное участие известный туркестанский просвещенный улема Хаджи Алим Юнусов» [4. – 1884, 17 января. – №2].

Гаспринский считал, что эти реформы и преобразования будут иметь успех в том случае, если охватят все территории России, где проживали мусульмане: «Граница, черта ныне разделяющая Туркмению и Среднюю Азию на две части – русскую и нерусскую – может быть политически необходима, но она не естественна, пока не охватит все татарские племена, ... ныне татария будет служить продолжением России вплоть до гор, окаймляющих Среднюю Азию с востока и юга» [4. – 1884. – 21 мая. – №19]. Понятно, что Бухарское ханство входило в эти пределы. Наверное, поэтому на страницах «Переводчика» часто можно встретить сообщения о постройке Закаспийской железной дороги, благодаря которой «славный Бахчисарай будет отстоять от знаменитого Самарканда на 7-8 дней пути (Севастополь – Батум – Тифлис – Баку – Узун-Ада – Астрабад – Мерв – Чаджуй – Бухара – Самарканд)» [4. – 1888. – 18 апреля. – №14].

Но уже вскоре корреспондент «Переводчика» в Бухаре с грустью сообщает о том, что «бухарская официальная жизнь всегда покрыта мраком неизвестности... народ жалуется на безденежье и застой в делах» [4. – 1888. – 13 сентября. – №30]. И сразу же Исмаил Гаспринский в своих «Французских письмах», опубликованных в нескольких номерах «Переводчика», как бы отвечает этому народу: «в борьбе за существование и бытие люди должны вооружаться одинаковыми знаниями, равносильными искусствами и энергией; иначе более знающие, более искусные задавят слабых. Если туркестанские мусульмане будут дремать, то прибывающие из России и других стран купцы и мастера мало по малу заберут все их заработки» [4. – 1888. – 17 ноября. – №40].

В трех номерах «Переводчика» за 1891 год (№№ 23-25) был опубликован очерк И. Гаспринского «Бухара», в котором очень подробно были освещены вопросы административного устройства Бухары, состава населения, торговли и занятий населения, анализировались история и современная обстановка в Бухарском ханстве: «Бухара в прежние времена славилась учеными и ныне служит центром религиозного учения для многих местностей...» [4. – 1891. – 14 июля. – №23]. При этом Исмаил Гаспринский с грустью замечает, что «... современная Бухара далеко не та, что была в прежние времена. Все обучение ограничивается узким кругом религиозных наук и отчасти литературы. Медицина, математика, астрономия, география и прочие науки заброшены и оставлены, так что в настоящее время нечего и думать, чтобы в Бухаре появились Авиценны, Фараби, Улуг-Беки, Бухари и другие, прославившие в средние века эту страну как свою родину» [4. – 1891. – 14 июля. – №23]. И вновь, как и в 1884 году, с надеждой пишет о том, что надеется на то, что «... связанная недавно железной дорогой с цивилизованным миром Бухара вступила в новый период жизни... что Бухара обновит свои учреждения и даст дорогу новейшему просвещению, что Абдул-Ахаг Хан не удовлетворится учреждением

лишь больницы и пойдет дальше, чтобы заслужить имя «обновителя и просветителя» своей родины» [4. – 1891. – 14 июля. - №23].

Подробнейшим образом И. Гаспринский в этом очерке освещал средневековую историю науки и просвещения в этом государстве, рассказывал о жизни и деятельности Авицены, Улуг-Бека, других деятелей науки и литературы, писал о том, что в современной Бухаре преподают только духовные науки, но выражал уверенность в том, что средневековая история науки и образования не может пропасть бесследно. что «...новейшие знания завоюют себе место в Бухаре, ибо недалеко то время, когда невежды поймут, что правила арабской грамматики не дают сил строить железную дорогу; а богословские трактаты не заключают рецептов против болезней; тут нужны механика, математика, медицина и прочее» [4. – 1891. – 30 июля. – №25].

Продолжая тему необходимости реформ в Бухарском ханстве, И. Гаспринский в июле 1891 года помещает в «Переводчике» статью о жизни и деятельности нового бухарского эмира Абдулахада (1885-1910). В статье скрупулезно перечисляются реформы эмира: отмена рабства, уничтожение зинданов (подземных тюрем) и государственной подземной тюрьмы, отмена пыток, снижение таможенных пошлин [4. – 1892. – 31 июля. – №27]. Однако, среди этих «реформ» нет и в помине реформы образования. Более того – и рабство, и невольничьи рынки, и зинданы продолжали существовать на всем протяжении Бухарского ханства [5, с.462], а современники Абдулахада и его отца писали: «...обирая бесцеремонно свой народ и собственными руками, и руками своих чиновников и хладнокровно проливая без малейшей жалости кровь людей, владыки Бухары вынуждены постоянно жить в каком-то осадном положении, в вечном недоверии и страхе, даже по отношению к ближним им людям» [1, с.63].

В следующем, 1893, году, во время визита в Россию, эмир Абдулахад посетил Крым, где трижды принимал Исмаила Гаспринского, наградив его орденом Восходящей звезды III степени, двумя халатами и другими подарками «...за десятилетние усилия на пользу народного просвещения» [4. – 1893, 10 февраля. – №5] и пригласив последнего посетить Бухарское ханство. Во время этих и последующих встреч Исмаил Гаспринский нередко посещал эмира, отдохавшего в собственном дворце на Южном берегу Крыма, подолгу беседовал с ним, в том числе и по вопросам просвещения.

Во время своего путешествия в Среднюю Азию в 1893 году Исмаил Гаспринский посещал бухарские медресе и мектебы, дававшие лишь духовное образование, с грустью замечая, что «преподавание ведется по старинным системам. О преподавании точных наук нет и помину» [4. – 1893. – 7 ноября. – №37]. И. Гаспринский убеждал главу духовенства Бухары кази-колону применять новый облегченный метод преподавания начальной грамоты. Последний «вполне одобряет преобразования в принципе, но находит, что азбука должна быть на персидском, а не на тюркском языке» [4. – 1893. – 7 ноября. – №37]. Гаспринский, в свою очередь, считал, что «и тюркский язык мог иметь успех, ибо почти все население говорит на узбекском, т.е. одном из коренных наречий тюркского языка. Новометодная школа по моему учебнику открыта в Самарканде. Надеюсь, что успехи ее останутся не безвестными в Бухаре» [4. – 1893, 7 ноября. - №37].

Как справедливо отмечал известный американский исследователь жизни и

деятельности И. Гаспринского Эдвард Лаззерени: «... визит Гаспринского в Бухару показал исключительную непродуктивность, и напрашивается вопрос: был ли казак-колон тем, кем он казался – видным религиозным лидером, придерживавшимся «либеральных» взглядов в обществе, известным своим очень консервативным отношением к исламу, обучению и образованию, или он был человеком, который знал как льстить другим, как «соглашаться в принципе», но в действительности не соглашаясь?» [6, с.83]. По всей видимости, И. Гаспринский понял бесперспективность пропаганды нового метода обучения в беседах с верховным судьей и продолжил ее во время аудиенции с эмиром Абдулахадом [4. – 1893. – 10 декабря. – №43]. Впрочем, и эта беседа не дала никакого результата: эта тема совершенно не интересовала эмира.

Во время очередного приезда в Крым – в 1894 году – эмир Бухары вновь принял Исмаила Гаспринского и снова довольно долго они рассуждали о постановке учебного дела. Абдулахад просил Гаспринского «поторопиться окончить самоучитель русского языка» [4. – 1894. – 9 сентября. – №32]. Эти беседы, в результате которых ничего не менялось в системе образования Бухарского ханства, нужны были эмиру для того, чтобы Исмаил Гаспринский через газету «Переводчик» создавал имидж Абдулахада как мудрого и справедливого правителя. Несмотря на эти беседы о просвещении, в Бухаре дело создания новых школ не сдвигалось с мертвой точки. «Переводчик» лишь сообщал о том, что в Бухаре содержится русское начальное училище «для туземцев, но мы смеем думать, что все это еще очень мало, ибо в Бухаре пора открыть научное училище с более широкой программой, чтобы положить начало умственному пробуждению способного и деятельного бухарского народа» [4. – 1896. – 15 декабря. – №49].

После этого в «Переводчике» появляется целая серия статей, в которых приукрашается роль эмира Абдулахада в управлении Бухарой, подробно описываются его «реформы». Так, один из номеров газеты сообщает о том, что в каждом бекетвие Бухары для «устрашения преступников» существовали виселицы, на которых тела казненных оставались трое суток. Со вступлением на трон нынешнего эмира «тела повешенных сгорают на виселице не более одного часа», а виселица на базаре Старого Чарджуя по распоряжению эмира была убрана, потому что «производила тяжелое впечатление на русских и вообще всех европейцев» [4. – 1897. – 26 мая. – №49]. Другой номер сообщал о том, что «Бухарскому народу не на что жаловаться: богатая земля отлично вознаграждает его труд, тишина и мягкое правление г. Эмира обеспечивает ему мирную, тихую жизнь», а все беды Бухары идут от ростовщиков из Индии, которые взимают «страшные проценты – от сорока до ста, губят все благосостояние землевладельцев...» [4. – 1897. – 17 июля. – №24]. Возникает вопрос: если в Бухаре идет «тихая, мирная жизнь», то почему подданные эмира постоянно обращаются к иностранцам-ростовщикам? По всей видимости, целью этих публикаций было – подтолкнуть эмира Абдулахада к реформе народного образования.

И только весной 1900 года «Переводчик» сообщает о том, что в Бухаре прошел «первый экзамен первого опыта преподавания тут по звуковому методу» [4. – 1900. – 12 апреля. – №13]. Далее сообщалось, что экзамен прошел успешно, бухарцы были удивлены тем, что за короткий срок деги выучились бойко читать, писать и считать.

«о звуковом методе заговорила вся Бухара, а местный Казы-Келям, высшее духовное лицо ханства, одобряет это дело» [4. – 1900. – 12 апреля. - №13]. В этом же, 1900, году эмир заказал типографии «Переводчика» тысячу экземпляров Корана для пожалования их в бухарские мечети.

Вдохновленный этим долгожданным успехом, И. Гаспринский в декабре 1901 года дословно перепечатал в «Переводчике» статью из «Туркестанских ведомостей» о бухарском эмире, заканчивавшуюся следующим абзацем: «Нельзя не приветствовать благородных стремлений Бухарского эмира просветить народ и с уверенностью можно сказать, что древняя Бухара, имея такого мудрого правителя, каким является Эмир Сеид Абдул-Ахад-Хан, скоро превратится из страны, где некогда торжествовали все жестокие нравы Востока, в страну, ярко озаренную светочем европейской культуры» [4. – 1901. – 7 октября. – №37].

И несмотря на то, что «Переводчик» несколько раз сообщает о том, что в Средней Азии «быстро распространяется звуковой метод с упорядочением мектебов; при сочувственном отношении учебного начальства края. На туземном языке издан новый учебник по звуковому методу...» [4. – 1904. – 6 января. - №2], это относилось к Туркестанскому краю, Хивискому ханству, но не к Бухаре, где новометодная школа была единственной в стране. И даже при этом Исмаил Гаспринский использовал каждую возможность для пропаганды нового метода в обучении – от личных бесед с эмиром Абдулахадом, до своих публицистических работ.

Даже при публикации собственных художественных произведений, И. Гаспринский под псевдонимом – Молла Аббас Франсеви настойчиво убеждал читателей в пользе народного образования. Наиболее известным и интересным трудом, где Молла Аббас Франсеви выступил в качестве автора и главного героя, является роман «Френкистан мектеплери» («Письма из Франции»). Через много лет И. Гаспринский выделил из него часть, где рассказывалось о приключениях героя в утопической стране, в отдельный труд «Дар уль Рахат мусульманлары» («Страна Рахат (Наслаждения) мусульман»). Последним авторским вариантом этого романа (только «Приключения в Таинственной стране») был вариант, который публиковался в газете «Переводчик-Терджиман» в период 1903-1905 гг.

Главному герою, Молле Аббасу Франсеви, в этой стране показывали мектебе – красивую, высокую, белую, каменную постройку со светлыми окнами, где была большая библиотека. В ней было много разных книг и образцов орудий и машин земледельческого труда. В этой школе учились дети от восьми до двенадцати лет: «Тут обучаются все дети деревни без исключения, как мальчики, так и девочки в особых отделениях. Учение четыре года. Мальчики обучаются письму, вере, чтению, счету, сельскому хозяйству в связи с начальной химией и физикой, а также и ремеслам. Фермы и ремесленные классы сейчас за деревней. Девочки, кроме науки, обучаются домашнему хозяйству, рукоделиям и домашней медицине, в степени необходимости для будущей хозяйки и матери» [4. – 1904. – 27 февраля. - №17]. Это был своеобразный прообраз новометодной школы, которая поможет приобщиться к светским знаниям, науке и культуре, сохраняя при этом верность мусульманскому вероучению.

В 1908 году Гаспринский еще раз совершил поездку в Среднюю Азию «с целью поддержки джадидитского движения» [6, с.86: 7]. Во время этой поездки И.

Гаспринский посетил школу в Бухаре – «мектеб севниесены», которая помещалась в хорошем здании, в ней училось около ста детей, применялся звуковой метод обучения. Здесь работало три учителя, которые преподавали детям арифметику, географию, историю и другие предметы. Дети выглядели опрятными и дисциплинированными. В школе была открыта библиотека для всеобщего пользования. Все это было в духе Гаспринского и отвечало его идеалу образцовой новометодной школы [8, с.213]. При посещении же этой, единственной новометодной, школы представители высшего духовенства Бухары объявили, что она «противна духу шариата», так как сначала ее ученики будут читать газеты, «на второй год потребуют свободы и на третий год свергнут его величество с престола» [3, с.306].

В статье Ш. Турдиева приводятся интересные документы 1908-1909 годов охранного отделения в Туркестане о «вредном влиянии» двух татарских школ в городах Хиве и Бухаре и двух подобных школ в Ургенче [9, с.137]. Здесь мы видим полное совпадение мнений русских и бухарских властей по поводу «вредности» новометодных школ. Поэтому неудивительно, что, когда во время последнего приезда в Бухару И. Гаспринский, поговорив с эмиром и заручившись поддержкой высших сановников государства, попытался преобразить это новометодное татарское мектебе в Бухаре в официальное учебное заведение для татарских и бухарских детей, у него ничего не получилось. Даже соизволение эмира назвать эту школу в память покойного эмира «Музафарите» не помогло придать школе статус государственной. Это мектебе, благодаря заботам И. Гаспринского, не закрыли, но ему и не помогали в развитии. Более того, нараставшее движение джадидистов стало усиленно преследоваться. Эмирское правительство не допускало открытия новых джадидистских учебных заведений и не позволяло реорганизовывать старые начальные школы [10, с.280]. Учителя-джадидисты и лица, пропагандировавшие звуковой метод, стали считаться в Бухарском эмирате неблагонадежными. Джадидизм стал приобретать политический оттенок.

Во времена последнего бухарского эмира – Сайида Алим-Хана (1910-1920) в Бухаре насчитывалось более 350 медресе и до 50 тысяч учащейся молодежи – студентов (мулла-бачей), представлявших все районы Средней Азии. Бухарские медресе привлекли учащихся своими традициями, субсидиями, отсутствием контроля русских властей, который существовал в медресе Туркестанского края. Судя по полицейскому отчету туркестанскому генерал-губернатору, в «Бухаре существуют многочисленные кружки и партии как среди бухарской интеллигенции, так и низших классов. Эти кружки и партии объединены ненавистью к русским и эмиру – ставленнику их и мечтой окончательного изгнания русских из ханства, в чем они рассчитывают на помощь Турции и эмира Афганского» [11, с.85].

Однако ряды сторонников реформ росли, и только 5 июля 1905 года эмир закрыл все школы младобухарцев и выслал некоторых из них. Уйдя в подполье, наиболее активные младобухарцы объединились в тайное общество «Гарбийят- и афтал» («Детское воспитание»), другие выехали в Стамбул [3, с.306]. А в марте 1918 года эмир учинил физическую расправу над джадидийцами, уничтожив более трех тысяч человек [12, с.139]. Этот террор обусловил отношение национальной интеллигенции и народа к режиму эмира. Как известно, в 1920 году монархия в Бухарском эмирате была уничтожена [13].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арапов Д.Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. – М.: МГУ, 1981.
2. Ходоров И. Национальное размежевание Средней Азии // Новый Восток. – 1925. - № 8-9.
3. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М.: Восточная литература, 1995. – С. 132.
4. Переводчик-Терджиман.
5. Гафуров Б.Г. История таджикского народа. – Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1955.
6. Lazzerini E.J. From Bakhchisarai to Bukhara in 1893: Ismail Bey Gasprinskii's Journey to Central Asia // Central Asian Survey. – 1984. - № III. – P. 77-88.
7. Ганкевич В.Ю. Крымскотатарские медресе (курс лекций). – Симферополь: Доля, 2001.
8. Аблаев Э.А. Прогрессивные педагогические идеи крымских татар второй половины XIX – начала XX вв. (На материале педагогического наследия Исмаила Гаспринского): Дисс... докт. пед. наук: 13.00.01. – Ташкент, 1991.
9. Турдиев Ш. Роль России в подавлении джадидистского движения // Центральная Азия. – 1998. - №1(13).
10. Ганкевич В.Ю. На службе правде и просвещению. – Симферополь: Доля, 2000.
11. «Туркестанскому генерал-губернатору...» // Военно-исторический журнал. – 1991. - № 11.
12. Мурза-Ахмедова П., Рашидова Д. Джадиды: кто они? // Звезда Востока. – 1980. - №9.
13. Подробно см.: Генис В. «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций. – М.: Центр стратегических и политических исследований, МНПИ, 2001.

Поступило в редакцию 18.02.2002 г.

Ганкевич В.Ю., Коннер В.В.
(Симферополь, Украина)

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЛИГИ НАЦИЙ И СТРАНЫ-МАНДАТАРИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПАЛЕСТИНЫ 20–30-Х ГОДОВ XX ВЕКА

25 апреля 1920 года Верховный совет стран Антанты на конференции в Сан-Ремо передал мандат на Палестину Великобритании. В 1922 году текст мандата и выбор страны-мандатария были одобрены Советом Лиги Наций, и 29 сентября 1923 года мандат официально вступил в силу и существовал до 15 мая 1948 года.

Наиболее ценными источниками по истории Палестины 20–30-х годов, на наш взгляд, являются официальные документы Лиги Наций, отчеты Постоянной мандатной комиссии (ПМК) по Палестине, Совету Лиги Наций, в которых содержится богатейший материал по истории подмандатной Палестины, который практически не несет на себе отпечаток субъективного подхода авторов этих документов, за исключением, пожалуй, традиционного утверждения о бесспорной необходимости принятия мандатной системы и передаче мандата на Палестину Великобритании.

Например, основные события в истории Палестины 20–30-х годов: арабское восстание 1929 года, восстание 1936 года, Белая книга 1939 года - нашли достаточно полное отражение на страницах этого круга источников.

Так, обязанности Лиги Наций по надзору в период существования мандата на Палестину осуществлялись через Постоянную мандатную комиссию (ПМК).